

ПРОТЕКЦИОНИЗМ ДОЛЖЕН БЫТЬ РАЦИОНАЛЬНЫМ

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ
ПО ФИНАНСОВОМУ РЫНКУ
Владислав Матусович Резник

Протекционизм – это не спутник только кризиса. Это то, что было, есть и будет в экономической политике любой страны. Просто во время кризиса о нем говорят в полный голос. А в «мирное время» доступ иностранных товаров и инвестиций закрывают без лишнего шума. С помощью прямого или скрытого протекционизма, под политически безупречным лозунгом «экономической безопасности». Причем «своих» бизнесменов власти стран и с либеральными, и авторитарными экономистами поддерживают одинаково. Это притом, что и до кризиса глобализация шла, и национальные экономики зависели друг от друга.

Считается, что к протекционизму более склонны государства с переходными или авторитарными экономистами. Это не так, просто такие государства слишком громко захлопывают двери перед иностранцами. А вот в политкорректной Европе термин «протекционизм» до недавнего времени вовсе не употреблялся. Его там переименовали в «экономический патриотизм». На деле он означает двойные стандарты в сфере инвестиций, когда свои вкладывают сперва, а чужие потом.

В 50–70-х годах прошлого века европейские государства прямо вмешивались в хозяйственную жизнь. Во Франции одно время составлялись даже государственные пятилетние планы, хотя и рекомендованные для использования в так называемом частном порядке. Сейчас этого нет, зато есть «государственно-частное партнерство». В его рамках разнообразная господдержка бизнеса не столь явна. Но тайны всегда выходят наружу, если их много. Например, в подавляющем большинстве слияний и поглощений в странах Европы за последние годы выигрывали национальные компании. Особым «экономическим патриотизмом» до кризиса отличалась все та же Франция – там и родился этот термин. Но и в других странах Евросоюза власти обычно на стороне отечественного бизнеса.

Разумеется, это ни в коей мере не смягчало критику российского правительства, чья деятельность направлена на поддержку российских рынков и компаний. А вот антидемпинговые про-

цедуры, проводимые США, и «черные списки» корпораций, составляемые их Государственным департаментом, нарушением рыночных свобод не считались. Как и субсидирование Евросоюзом экспорта сливочного масла, сухого молока и сыров.

За спиной современных «экономических патриотов» Запада – значимые исторические фигуры борцов за изоляцию национальных экономик. Один из них – Александр Гамильтон – смотрит на нас сегодня с американской десятидолларовой купюры. В конце XVIII века он создал Центральный банк Соединенных Штатов и ввел протекционистские таможенные тарифы. А среди протекционистов-теоретиков выделяется живший в XIX веке немецкий экономист Фридрих Лист. По его мнению, в начале развития любой стране выгоден свободный обмен с экономически сильными государствами. А по мере обустройства собственной экономики надо закрывать ее таможенными барьерами. Только так, считал он, эти сильные государства можно догнать. Потому что, писал Лист, свободно торговать друг с другом могут только одинаково развитые страны. Это, кстати, подтверждается торгово-экономической статистикой современной глобализации. По-настоящему она затронула только так называемый «золотой миллиард», который и «глобализуется» внутри себя. Уместно будет привести здесь и еще одно мнение Листа. Он предостерегал от чрезмерного увлечения сферой обращения в ущерб производству, называя это «безжизненным материализмом». Не стал ли именно этот «безжизненный материализм» причиной текущего кризиса?

Разумеется, ни одно современное правительство в протекционизме не признается. Наоборот, на саммитах и встречах всех уровней только и звучат предостережения от закрытости своих рынков и запрещенных атак на рынки чужие. Однако, по данным ВТО, в 2008 году количество антидемпинговых расследований увеличилось на 40%.

У банков стало хорошим тоном предоставлять кредиты исключительно соотечественникам. И эксперты обоснованно заговорили не только о торгово-производственном, но и финансовом протекционизме. Банки сворачивают трансграничную работу, кредитуя не международные, а только национальные проекты.

У протекционизма богатая и поучительная теория и практика. Поэтому сквозные оценочные характеристики к нему – хорош он или плох – не применимы. Как и к иным экономическим инструментам. Их оценка зависит от своевременности использования. Для глобализации, основанной на свободном рынке, протекционизм стратегически проигрывает. Но тактически – он жив и здоров. Потому что на практике глобализация не отменяет конкуренции национальных экономик. Тем более трудно воздержаться от защиты этих экономик во время кризисов, когда в повестке дня – их выживание.

И не только. Политики используют протекционизм, чтобы «поднять дух населения». Современной экономике, как показал кризис, свойственна «культура алчности». А потому безукоризненные с экономической точки зрения мероприятия часто уязвимы, так сказать, с позиций человечности. И правительства самых либеральных стран согласны терять в эффективности от протекционизма ради сохранения «спокойствия». Ведь даже самые «безразличные» общества во время кризисов начинают проявлять к своим проблемам опасно повышенный интерес. Кроме того, протекционизм – это совсем даже не обязательно убытки. Можно проводить и «рациональный протекционизм», если, конечно, в эпоху глобализации такое словосочетание вообще допустимо. Думаю, допустимо, если не хочешь оказаться на обочине этой самой глобализации.

Протекционизм ведь шире тарифно-таможенного регулирования. Это целый пакет привилегий, даруемых государством своим производителям. Но за так привилегии не дают. В экономической истории масса примеров, когда протекционизм не консервировал устаревшие технологии и структуры производства. Он модернизировал их. Эксперты ссылаются на развитие конкурентоспособного автомобилестроения в Испании и Китае. Если же границу запирают на замок ради дорогого и некачественного производства, то это не «рациональный протекционизм», а «покровительство дурному». Но чтобы модернизация экономики шла, защищенные отрасли должны как минимум нормально кредитоваться, а временное отсутствие внешней конкуренции заменяться конкуренцией внутренней.